

Шизоанализы¹

Феликс Гваттари (1930–1992) — французский философ и психоаналитик.

Пер. с фр.: Егор Курышов

Под ред. Никиты Архипова

Ключевые слова: психоанализ, шизоанализ, акт высказывания, метамоделирование, детерриториализация, субъективность, бессознательное, микрополитика, либидо

Данный семинар от 21 июня 1984 года посвящен концепции шизоанализа — подходу, разработанному Феликсом Гваттари совместно с Жилем Делезом в качестве альтернативы традиционному психоанализу. Гваттари предлагает переосмыслить психоаналитическую теорию, отказываясь от моделей Фрейда и Лакана. Он утверждает, что шизоанализ не стремится стать новой дисциплиной, а выступает как инструмент метамоделирования, позволяющий анализировать влияние сборок акта высказывания на семиотические процессы и способы субъективации. Эти сборки, понимаемые как динамичные конфигурации, включают не только языковые, но и не-семиотические, не-субъективные и бессознательные элементы. Гваттари подчеркивает важность микрополитики смысла, где прагматические эффекты возникают в социально-институциональных полях, а не только в интерпретации означающих. Он вводит понятие детерриториализации, позволяющее избегать фиксации субъективности в статичных структурах, и предлагает рассматривать ее как процесс сингуляризации, связанный с машинными — материальными и социальными — потоками. В отличие от фрейдовского либидо, понимаемого как статическая энергия, шизоанализ трактует либидо как абстрактную, детерриторIALIZED силу, открывающую новые возможности становления. Гваттари также критикует ретерриториализацию бессознательного в психоанализе, предлагая вместо этого картографировать его как динамичную систему, взаимодействующую с социальными, технологическими и

¹ Перевод выполнен по изданию: Guattari F. Les schizoanalyses // Chimères. Revue des schizoanalyses. — 1987. — No. 1. — pp. 1–21. DOI: 10.3406/chime.1987.1022. (c) Bruno et Emmanuelle Guattari fonds IMEC 2025. Публикуется с любезного разрешения правообладателей.

эстетическими процессами. Шизоанализ, таким образом, становится, согласно Гваттари, междисциплинарным подходом, ориентированным на анализ и преобразование субъективности.

ЧТОБЫ ПРОЛИТЬ СВЕТ НА НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ, мне понадобится ваша помощь. Я понял для себя — и к этому сегодня я бы также хотел подступить — что в определенных случаях внести во что-то ясность, не прибегнув к *коллективной сборке акта* высказывания, невозможно. Как это бывает — на все просто не хватает рук! Уже долгое время я ищу такой каркас (*polygone de sustentation*), в котором я мог бы удержать все то, что происходит в моей голове. Ну что ж, посмотрим! Мы принялись искать его еще с Мони Элкаиом в ходе наших предыдущих бесед... Правда, случалось это изредка и всегда как бы «тайком»: за кулисами конгрессов и встреч, куда я был приглашен обсуждать его системный подход к семейной терапии. Однако по сей день никто из нас так и не удосужился в самом деле связать все эти размышления с критической работой, которую я вел параллельно — вместе с Жилем Делезом, — касательно психоаналитической теории и практики.

Сегодня я предлагаю выяснить, *что* еще могло бы уцелеть на руинах психоанализа и заслуживать переосмысления на основании иных теоретических построений — менее редукционистских, нежели теории Фрейда или Лакана, если это возможно.

Очевидно, я хочу, чтобы этот семинар стал пространством для максимально широкой и открытой дискуссии. Но я с самого начала должен предупредить вас, что «обсуждать» мои позиции иногда будет нелегко. Я не то чтобы пытаюсь их просто навязать! Дело в том, что они размещаются на территории, обособленной от всего прочего, из-за чего мне будет сложно исчерпывающе донести свою мысль. Но само собой, здесь не будет ни педагогики, ни научных дебатов, однако работа каждого будет поддержана сборкой высказывания. И я питаю надежду, что наши исследования взаимно пересекутся и совпадут друг с другом, образуя ризому.

Этот семинар о «*шизоанализе*» — о многих проявлениях шизоанализа — заработает должным образом лишь тогда, когда он перейдет на уровень «*мета моделирования*». То есть тогда, когда он позволит нам очертить наши собственные сборки акта высказывания — те из них, что смежны с нами. И здесь я вновь повторю: я никогда не задумывал шизоанализ как новую специальность, которую

следовало бы причислить к чему-то из области психики. Его амбиции куда более скромны, хотя в то же время куда более необъятны (*grandes*). Скромны потому, что если психоанализ когда-либо и должен будет существовать, то он существует уже: *существует повсюду* в зачаточном виде и различных проявлениях, не нуждаясь в институциональном учреждении, где он обрел бы свою приемлемую и обязательную форму. И необъятны, потому что, на мой взгляд, призвание психоанализа — стать дисциплиной, совершающей прочтение *других систем* моделирования. Не стать обобщенной моделью всех моделей, но стать инструментом дешифровки прагматики, стоящей за процессами моделирования в тех или иных областях. Здесь мне могли бы возразить: наметить четкую и ясную границу между моделью и метамоделью невозможно. Ведь в каком-то смысле и сама субъективность зиждется на работе метамоделирования (то есть она совершает *моделизирующий перенос*, поскольку обслуживает трансверсальные переходы между абстрактными машинами и экзистенциальными территориями). В таком случае мы совершим необходимое смещение аналитического акцента: мы свернем от заранее сформированных субъективных структур и таких же систем высказанного (*système d'énoncé*) по направлению к сборкам акта высказывания, способным выстраивать новые координаты прочтения и «воплощать» представления и фразы, коих до сих пор не видывал свет.

Это значит, что по своей сути психоанализ далек от профессиональных психических практик с их корпорациями, обществами, школами, инициативами, «прошлым» и т. п. Его предварительное определение могло бы звучать как-то так: *анализ влияния сборок акта высказывания на семиотические и субъективные производства в контексте заданной (donné) проблематики*. Я еще вернусь к понятиям «контекста проблематики», «сцены» и «воплощения» (*«mise en existence»*). Сейчас я отмечу одно — все они могут сопоставляться с самыми разными вещами: будь то клиническая картина или бессознательный фантазм, фантазия, возникающая в бодрствовании, или эстетическое творение, даже микрополитический факт... По-настоящему здесь важна лишь сама идея *сборки акта высказывания* и экзистенциального охватывания, которые подразумевают, что [в этом акте] начнут разворачиваться образы, отсылающие лишь к самим себе, — можно в этой связи сказать также и о процессе самоорганизации или сингуляризации.

Для чего нужно это постоянное, напоминающее лейтмотив обращение к *сборкам акта высказывания*? Да чтобы не уйти с головой

— насколько это возможно — в понятие «Бессознательное», чтобы не сводить каждое проявление субъективности к влечениям, аффектам, инстанциям интрасубъективности и интерсубъективным отношениям. Очевидно, вещи подобного рода найдут свое место посреди забот шизоанализа, но только в качестве его компонентов и только в определенных случаях. И поэтому я напомним, что существуют и такие сборки акта высказывания, в которых просто нет семиологически что-либо значащих компонентов; сборки, в которых нет субъективных компонентов, сборки, в которых нет даже компонентов, принадлежащих сознанию... Сборке акта высказывания предстоит «превзойти» проблематику индивидуированного субъекта, мыслящей монады с ее границами, очерченными сознанием, а также... способностей души (таких как рассудок, воля...) в их классическом понимании. И в первую очередь, мне кажется важным подчеркнуть тот факт, что мы всегда будем иметь дело с совокупностями, изначально безразличными к делению их на материальные и/или семиотические, индивидуальные и/или коллективные, активно-машинные и/или пассивно-подвижные.

Возникает вопрос о положении этих деталей сборки, которые, взаимодействуя друг с другом, всегда оказываются «на стыке» самых разнородных областей. Уже не помню где, но я говорил, что мы хотим создать науку, в которой тряпки и салфетки смешивались бы с совершенно другими вещами. Науку, где было бы нельзя объединить эти тряпки и салфетки под общей рубрикой «белья», но где со всей любовью можно было бы принять тот факт, что эти тряпки проявляют себя в единичных становлениях, сопровождаемые вереницей отголосков контекста: будь то хозяин бара, протирающий бокалы тряпкой, или военные, которые проводят «зачистку»² (*coup de torchon*) в очаге сопротивления. С точки зрения классического психоанализа мы учитываем лишь означающие эффекты такого типа контекстуальности, но никогда не рассматриваем ее как образующую (*réfèrent générateur*) тех прагматических эффектов, которые возникают в заданных социально-институциональных и материальных полях. Именно эту микрополитику смысла, на мой взгляд, необходимо вывернуть наизнанку. Предполагаемый аналитический эффект теперь возникал бы не в распознавании интерпретируемых семиологически означающих цепочек, но в а-значающей мутации «контекста Системы», в мутации

² Гваттари играет со словом *torchon*, которое с французского можно перевести и как «тряпка», и как «чистка». Если мы и впрямь «вывернем наизнанку» микрополитику смысла, как к тому призывает он, то получим не то солдат, не то шизофреников, делающих «выстрел из тряпки» (*coup de torchon*). — прим. пер.

поставленных под сомнение отмеряющих друг друга областей, связанных одной «композицией» (*constellation*). В таком случае коллективные и/или индивидуальные сборки акта высказывания выступают уже не только полноправными объектами аналитического вмешательства, но и привилегированными средствами доступа к этим объектам. И тогда же проблематика переноса акта высказывания получает преимущество над проблематикой *Imago* и якобы конститутивных структур субъективности. В определенных условиях некоторые сборки займут место «анализатора» образований бессознательного³. Причем уже совсем не важно, будут ли эти анализаторы осознавать свою «миссию» или правом занимать такую должность их наделят другие инстанции. Аналитическая сборка в подобных условиях может расположиться (*dimensionner*) как угодно, смотря чем она воплощена:

- индивидом, таким как Фрейд, который изобрел психоанализ;
- определенной социологически группой, такой как молодежная банда, «раскрывающая потенциал» гетто;
- более диффузными социальными явлениями, вроде перемен в коллективной чувственности или необузданного движения мнений;
- доличностной практикой, стилем, творческой мутацией, которая вовлекает за собой индивидуума или группу...

(Все эти вариации — и многие другие — можно сочетать множеством различных способов). Демарш шизоанализа состоит в том, чтобы никогда не ограничиваться одной лишь интерпретацией «данности»; он проявляет интерес, куда более фундаментальный, к «выдающемуся» (*domnant*), к тем сборкам, что движут сцеплением смысловых аффектов и эффектов прагматики. Анализаторам самим некуда деться от этой фундаментальной пластичности сборок, и они не выступают некоторыми предустановленными диспозитивами, никогда не претендуют получить статус легитимных структур акта высказывания — в отличие от классического психоаналитического курса лечения. У нас не только нет никакого стандартизированного шизоаналитического протокола, но и нет нового фундаментального правила, есть лишь «антиправило», которое требует постоянного пересмотра сборок анализаторов в зависимости от их обратной связи (*feed-back*) на аналитические данные.

³ С некоторой долей недоумения я возвращаюсь к этому старому термину — «анализатор», введенному мной в 60-е и «подхваченному» (как и «институциональный анализ», «трансверсальность» и проч.) школой Лурб, Лобро, Лапассада в гораздо более психосоциологической перспективе, чем мне бы хотелось.

Эта обратная связь отрицательна в тех случаях, когда приводит лишь к повторной калибровке сборки, и положительна, когда запускает процессы расщепления (*splitting*) или даже катастрофы, то есть представляет из себя аналитический материал *par excellence*. Как одна сборка сменяет другую, дабы «управлять» данной ситуацией? Как аналитическая (или считающаяся таковой) сборка может маскировать другую? Как несколько сборок вступают во взаимодействие и к чему это приводит? Как исследовать возможность образования новых сборок в, казалось бы, полностью изолированном контексте? Как по мере необходимости можно «помочь» отношениям производства, пролиферации и микрополитики этих новых сборок? Вот те вопросы, которые ставит перед собой шизоанализ. Вся эта работа субъективности — в том смысле, в каком куется железо, разучиваются гаммы или выхватываются плодотворные моменты существования в «Поисках» Пруста, — проявляется здесь в изобретении компонента, а точнее, в *метамоделировании отношений между сборками*. Сильно расходящаяся с тем, что обычно принимается нами за субъективность, эта работа больше не связана с некой эфемерной и невыразимой сущностью субъекта, который жаждет головокружительного и невозможно тождества самому себе и Богу — этому единственному свидетелю. Шизоаналитическая субъективность возникает на пересечении знаковых и машинных потоков, на стыке смысла, материальности и социальности, а главное — их превращений, выливающих в различные проявления их сборки. Именно они провоцируют утрату субъективностью человеческой территориальности, устремляют ее к процессам сингуляризации — самым архаичным и самым футуристичным одновременно: становление животным, растением, космосом, недоразвитым, мультивалентно-сексуальным, бестелесным... Эта субъективность делает так, что человек, пусть и оставаясь всего-навсего «мыслящим тростником», оказывается с этим тростником, «мыслящим за него», в соседстве, с этим машинным филумом, выводящим его далеко за пределы прежних возможностей.

Архаичные формы акта высказывания зиждидлись преимущественно на речи и непосредственно на общении, в то время как новые сборки все больше и больше обращаются к информационным медийным потокам, передаваемым по каналам, сильно походящим на машинные (машины, о которых идет речь, являются не только техническими, но и научными, социальными, эстетическими и проч.), они со всех

сторон осаждают былые индивидуальные и коллективные субъективные территории. В то время как территориализированный акт высказывания был логоцентричным и подразумевал персонализированное господство над совокупностями, пущенными в речевой оборот, детерриториализированный акт высказывания, который можно назвать уже машиноцентричным, возвращается к нечеловеческим воспоминаниям и видам деятельности и трактуется по большей части ускользающие от непосредственного сознательного контроля семиотические структуры.

Эта простая дихотомия рискует оказаться чересчур упрощенной, поэтому мы шагнем дальше. Наши прошлые рассуждения вполне естественно подвели нас к тому, чтобы четко очертить различные проявления сборок акта высказывания в соответствии с тем, преобладают ли в них компоненты, появляющиеся из-за введения семиотики, из-за субъективации или же из-за столкновения с сознанием (этот список всегда может быть расширен в зависимости от целей подобного описания).

— *Не-семиотические сборки*

«Танцы» пчел или «замки» термитов представляют для нас первый пример структур, к которым приходят эти насекомые, используя «модулярные коды», которые, очевидно, нельзя назвать ни семиотическими, ни субъективными, ни сознательными. В мире человеческих актов высказывания мы встречаем похожие системы, например систему эндокринной регуляции. Располагаясь внутри сборки, такая система влияет на нее определяющим образом, причем она как бы оставляет за скобками ее семиотические компоненты. Это заставляет меня задуматься о вероятной роли поддерживаемой эндорфином самозависимости в контексте «фиксации» (*durcissement*), которую можно заметить в некоторых случаях садомазохизма или острых форм анорексии, возникающей на нервной почве.

— *Не-субъективные семиотические сборки*

Например, случаи из психосоматики, связанные с «характерным панцирем» (*cuirasses caractérielles*), которые изучал Вильгельм Райх. В таких случаях субъективные представления просто минуют соматическую семиотизацию.

— *Субъективные неосознанные семиотические сборки*

К примеру, все те сборки, относящиеся к человеческой этологии. Они задействуют запоминание путем бессознательного впечатления, обозначение своей территории, приветствие, «красование» (*parade*), подчинение, неприязнь и проч.

Я уже представляю, как лаканист, которому хватило терпения следовать за мной аж до сюда, не преминет возразить, что все это, конечно, славно, но не имеет никакого отношения к Бессознательному... Истинному психоаналитическому Бессознательному, немислимому вне западни языка... Слышали мы эту песню! И я бы ответил, что шизоаналитические сборки к редукционистским структурам проявляют как раз-таки самый живой интерес, — к эдипову треугольнику, к символической кастрации, — к которым и впрямь приводит определенная капитализация субъективности в рамках того, что я назвал бы капиталистической субъективностью. Но это же не должно давать волю аналитикам не заниматься другими формами производства субъективности с полным уважением к их специфике. Субъективности, появляющейся во всех областях психопатологии и антропологии. Я лишь еще раз повторю, что главное притязание шизоанализа — выступать в роли сборки-метамоделлизатора всех этих неоднородных областей, рассматриваемых им в качестве «дисциплин по выбору».

Мы начнем с самой обширной гипотезы — гипотезы о том, что у человека есть бессознательное, удерживающее равным образом как факт существования смыслов, производимых структурами репрезентации и языка, так и факт существования самых разных систем шифрования, муляжей, калькирования, отпечатывания, относящихся к органическим, социальным, экономическим и прочим составляющим. Возникновение феномена субъективации, то есть появление переживаемых территорий, понятых как таковые, исходя из отграничения от объективного мира и других (*des alter ego*), — это лишь случайность, нечто необязательное. Иначе говоря, совсем не обязательно, что вопрос о субъекте или о лингвистическом означающем лежит в сердце проблематики бессознательного. То же касается и вопроса о сознании. Ведь здесь вообще в дело могут вступить самые различные процессы работы сознания, вытекающие друг из друга или друг на друга накладывающиеся. Хорошим примером, иллюстрирующим подобные ветвления и разветвления, я считаю вождение автомобиля. На трассе нередко возникает состояние «сна наяву» на фоне псевдодремоты. Но, конечно, субъект не спит — несколькими системам сознания он позволяет функционировать параллельно: так, что одни уходят в фон, а другие выходят на первый план. Вслед за псевдодремотой приходит гипербдительность, когда знаки, аварии, взмахи жезла заставляют обратить внимание на себя. То есть сборка акта высказывания (в более широком смысле, чем я вкладывал до) проходит через самые разные уровни машинного порабощения (если прибегать

к уже устоявшемуся понятию из кибернетики). Поймите, шизоанализ не будет вечно возвращаться к одним и тем же якобы фундаментальным структурам, таким как «архетипы» или «матемы». Шизоаналитическое метамоделирование будет картографировать бессознательные констелляции — устойчивые топики, развивающиеся сообща с социальными формациями, технологиями, искусствами, науками и проч. Даже в тех случаях, когда ему придется выявлять частные проявления бессознательного, возникающего, например, в организации эго, персонологии или супружестве, семье или быту, он никогда не станет работать, опираясь на клише.

Давайте остановимся на нескольких следствиях совершенного нами «расслоения» между сознанием и субъективностью. Сперва, я думаю, нужно различить:

— абсолютное бессознательное, молекулярный уровень, совершенно не поддающийся никакому представлению, чьи проявления остаются разве что а-значающими⁴;

— и относительное бессознательное, молярный уровень, который, напротив, устроен так, что более-менее поддается представлению.

Но теперь я боюсь вляпаться в историю с «окаменением» психических инстанций, как это случилось с Фрейдом и его разделением на противоположности Сознательного и Бессознательного (с сопутствующим Предсознательным), а затем на Я и Оно (с их придатками) или как с Лаканом, который решил возвести Символическое как некую опору для Реального и Воображаемого.

На первый взгляд название «молекулярное бессознательное» кажется довольно грубым. Ведь на деле этот тип сборки вполне совместим с существованием компонентов сознательного. Взять, к примеру, истерический невроз или невроз навязчивых состояний — в них тоже протекают молекулярные процессы, неотделимые от определенного типа сознания, а в случае второго — даже от суперсознания. Или, что касается сборок, связанных со сновидением или бредом, то они работают исключительно с а-значающим материалом, — что не мешает этим сборкам транслировать образы или означающие цепи, но они оставляют в них только то, что могут трактовать как а-значающие⁵, — который включает в себя также идиосинкразические режимы работы

⁴ Подобное определение бессознательного можно сравнить с «первичным процессом», каким его видел Фрейд в «Толковании сновидений»: «Она [работа сновидения] не мыслит, не считает, не судит, она ограничивается одним только преобразованием». Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. — С. 362.

сознания. И я полагаю, что мы ничего не добьемся попытками наделить эти сборки сознанием, единым в себе и всегда тождественным самому себе. Шаг за шагом мы становимся только ближе и ближе к сознаниям-пределам (*consciencs-limites*) — к мистическому опыту разрыва с миром, к кататонии или даже — а почему нет? — к нелокализуемым органическим импульсам или состояниям комы разной глубины. Выходит, что каждая из инстанций акта высказывания может принадлежать как и сознательному, так и бессознательному. Насколько? — вопрос лишь в интенсивности, пропорциях и масштабе. Безотносительно бестелесного Поля референции, позволяющего сборкам компоноваться, складываться, соскальзывать и разлагаться, не существует никакого сознательного и бессознательного. И мы настаиваем, что в местах их соприкосновений необходимо существует абсолютное сознание, которое могло бы в точности совпасть с нашим абсолютным бессознательным, конститутивным по отношению к нететическому самосознанию, свободному от любых соотношений (*réfèrence*) с Другим или мирскостью.

К.: А это абсолютное бессознательное — оно биологическое?

Ф. Г.: Да, в том числе!

Ж.-К. П.: Хотел спросить, не возвращаешься ли ты с этим машинно-молекулярным аспектом к тому, с чем в последние годы обращался, просто называя желанием? С чем-то действительным, глубоко неоднородным, хаотическим, ризоматическим. С чем-то, что можно сделать конкретным — или обозначенным, если угодно, посредством лингвистического кода, — и тем самым вычленив бессознательное, о котором говорил Лакан. Это позволило и ему, и всем тем, кто работал с психотиками после него, сказать: «У шизофреника нет бессознательного». Это ли не граница между тем, что попадает в сети системы означивания и означиваемости (*significance*), и тем, что остается вне — все остальное, существенное?

⁵ Еще ранний Фрейд времен «Толкования сновидений» прекрасно уловил суть подобной «противо-смысловой» трактовки значения сновидения: «Диалог в сновидении имеет структуру брекции, в которой крупные обломки различного материала связываются окаменевшей промежуточной массой» (там же, с. 302); «...все, что имеет в сновидении форму мнимого проявления функций мышления, не должно считаться мыслительным процессом деятельности сновидения, а относится к материалу мыслей, скрывающихся за сновидением, и в виде готового целого переносится оттуда в явное его содержание» (там же, с. 321). Но этой микрополитикой «противо-смысла» может похвалиться не только психическая жизнь — ее можно обнаружить и в художественном творчестве. Мне вспоминается, как Жорж Апергис в своей «жестовой музыке» умеет вычленив из семантического содержания лишь то, что будет содействовать композициям а-значающих.

Ф. Г.: В твоей формулировке есть кое-что, что немного меня смущает. Просто я не собираюсь вновь взывать к жизни оппозицию между первичным процессом и вторичной переработкой. Особенно, если она должна подкрепляться, как во второй топике Фрейда (Оно, Я, Сверх-Я), идеей о том, что переход от одного [члена оппозиции] к другому происходит из-за разрыва между двумя режимами работы различия (*modes de différenciation*): хаос оказывается первичен, а структурирование — вторично. И тот факт, на который ты обратил внимание, — что у нас нет уточненного, сделанного бинарным доступа к молекулярному бессознательному, — совсем не означает, что мы вместе с ним погружаемся в мир неминуемого беспорядка и энтропии.

Это возвращает меня к проблеме желания. Да! Это правда, что на сегодняшний день мне хотелось бы избежать некоторых недоразумений, как сказал бы Фрейд, экономических, которые успели вырасти вокруг понятий из «Анти-Эдипа», например потоков и срезов. Мы делали акцент на машинных детерриториализованных измерениях желания, которые ускользают от привычной теоретико-множественной системы координат (*coordonnées ensemblistes*) (отсюда наша настойчивость в использовании парадоксальных категорий, вроде тела-без-органов). Хотя может быть подобный способ думать о желании был все еще недостаточно далек от идеи «плоских», детерриторизованных подвижностей, все еще ссылающихся на экономику, замкнутую на себе, — на равновесие.

Одной из главных целей этого семинара станет попытка выяснить, чем эта категория детерриторизации может помочь нам в том, чтобы избежать превращения таких понятий как субъективность, сознание, означаемость (*significance*) в трансцендентальные сущности, иной раз непроницаемые. Даже самые абстрактные, абсолютно бестелесные образы (*références*) могут иметь власть над реальным; пронизывать самые разные потоки и территории. Они никак не застрахованы от исторических перемен или космогенетических мутаций. В общем, означающее не покидает пределов либидо (и можно с легкостью показать, как Лакан подменял первое вторым⁶). В определенном контексте смысл может быть в своем значительном объеме поставлен против материальных и сигнальных потоков, понятых в основном

⁶ «Разве вы не знаете, что энергетика, что бы инженеры, эти современные инженеру, на сей счет не думали, это не что иное, как наложение на мир сети означающих». См.: Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)). — М.: Гнозис, Логос, 2008. —

как пассивные. Но в иных контекстах смысл может быть произведен через «машинное», лежащее в природе подвижностей, произведен в разрыве (актуальном или возможном) со стратами и гомеостазами. Как раз такая процессуальность, неприятие «устоявшейся» экономики равновесия, предпочтение «клинамена», делающего отдельно взятое повторение уникальным, заставляют нас не признавать окончательные картографии, законченное законодательство в области субъективности, — даже тогда, когда последние подразумеваются «атмосферой» самой сборки, например, эдипова треугольника в поле капиталистического производства. Именно поэтому мы стали рассматривать различные ситуации как результат скрещения сборок, до определенного момента выдающих результат своей внутренней секреции (*sécrètent*) за собственные системы координат метамоделирования. Конечно, подобные скрещения могут навязывать свою систему связей, однако она не будет выступать конечным ограничением. Ее можно обойти. Да и сборки могут терять свои силы в способности производить ветвления, особенно, когда некоторые их компоненты становятся все менее вытнтыми.

Я попытаюсь пояснить это на примере. Певица теряет свою мать, а неделю спустя она теряет две октавы из своего диапазона. Она начинает фальшивить — ее мастерство как исполнителя внезапно угасает. Песня этой женщины вела свое существование, пребывая на пересечении множества сборок, многие из которых, очевидно, даже не касались ее личности. Так компонент акта высказывания, укорененный в ее отношениях с матерью, проходит проверку смертью. И это ни в коей мере не значит — а даже наоборот — прекращения его работы. Действительно, его не поддающаяся актуализации часть — прошлое, которое невозможно переиграть, — взяв верх над свободой возможности, внедряется образом блуждающей и смутно угрожающей матери. Этот образ смерти, защищенный от всякой проверки реальностью, выступает носителем окаменелости. Субъект, как пишет Фрейд, «цепляется» за утраченный объект⁷. И в этом случае единственным свидетельством семиотического «сжатия» выступает, кажется, лишь вокальная партия. Вполне возможно, что

272 с. — ISBN: 5-8163-0037-7. С. 57. Ср.: Guattari F. Les énergies sémiotiques // Temps et Devenir à partir de l'œuvre d'Ilya Prigogine / J.-P. Brans, I. Stengers, Ph. Vincke (eds.). — Genève: Patino, 1988. — pp. 245–256. — ISBN: 978-2882130082.

⁷ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология бессознательного. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — ISBN: 5-89808-040-6. — С. 211–214. Abraham K. Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniaco-dépressive

более длительное исследование обнаружило бы и другие проявления. Но разве оно абсолютно необходимо? Это не так очевидно. Вообще, в таких случаях нам стоит остерегаться «изобретения» новых симптомов, возникающих только из-за переноса и интерпретации. Когда вы, сами того не замечая, настаиваете на выборе «подходящего цвета», гармонирующего с этиологической «палитрой», или же сам субъект приносит вам на блюдечке гармоничный симптом. Нужно остерегаться толкований, которые велят «работу горя» перепутать с трудностью, испытываемой либидо при переходе к замещающему объекту. И здесь, как и в других случаях, описание в терминах объекта, а не в терминах сборки акта высказывания демонстрирует основной недостаток — оно препятствует освещению неучтенных полей возможного. Там, где Фрейд предусматривал лишь два варианта развития, — либо вялое и меланхоличное иссякание либидо, направленного на утраченный объект, либо, в случае крайней фиксации, возникновение «галлюцинаторного психоза желания»⁸, — мы должны приветствовать пересборку сборки, без всяких сомнений увиливающую от проклятия «первичной идентификация» или отнесения к «оральной инкорпорации». Именно эта пересборка — то, через что пришлось пройти этой певице, которая, если позволите мне такое выражение, прекрасно выдержала удар, при этом сумев обрести несколько новых степеней свободы и отныне начав справляться со своим Сверх-Я с куда большей ловкостью. На этот раз потеря внятности одним из компонентов не повлекла за собой общего заторможения. Скорее, он сработал как чувствительная мембрана, индикатор, сигнал тревоги. Но о чем он сигнализировал? Вот именно в этом главный вопрос! Но не стоит торопиться с ответом. Ведь ответа-то, строго говоря, может и не оказаться. Подсказка а-значающего — ограничение способностей вокала — отмечает прекращение чего-то без запрета оно, как ясно из контекста. Что-то [иронично] вмешивается: «Молодец! Это совсем не дурно!» Но некоторые пути — тут эта фраза подходит лучше всего — уже давно проторены: пение, морализаторское сверхкодирование от лица матери попадают в поле прагматики. Нужно отнести эти проявления к пассивным, в графу нехватки и дефицита? Большой вопрос! Но еще не вечер! Ведь от этого внесения

et des états voisins // *Œuvres complètes*. Т. 1. — Paris: Payot, 1965. — pp. 99–113.

⁸ «Hallocinatory wishfull psychosis» («галлюцинаторное исполнение желания» — прим. редакции). См.: Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к теории сновидений // *Психология бессознательного. Собрание сочинений в 10 т.* Т. 3. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — ISBN: 5-89808-040-6. — С. 197. Для Фрейда это — то же самое, что галлюцинаторная спутанность сознания или «амения» по Мейнерту.

зависит многое. Должно быть совершенно ясно, что любой вывод в условиях переноса, пусть даже самый искусный, самый неочевидный, который предполагал бы существование — за этим симптомом — чувства вины эдипальной природы, может иметь разрушительные последствия или по меньшей мере вернуть нас к депрессивному исходу, который ожидается в подобных обстоятельствах в порядке нормы. Кажется, менее рискованно как раз задаваться вопросом о материальных качествах этого компонента выражения, который, возможно, позволил ей избежать других потерь. Не можем ли мы счесть такой компонент, как пение, забивший предупредительную тревогу и предложивший разветвление, «роскошью»? То, чему было суждено заторможенно произрастать, здесь обернулось зачатками процесса сингуляризации.

К.: Ты думаешь, если бы не песня, произошло бы что-то другое?

Ф. Г.: Возможно, она потеряла бы и другие октавы из другого регистра! Тут ни о чем нельзя сказать уверенно. Но я повторяю, все это вопрос порога [перед обретением компонентом] устойчивости, кванта превращения, вероятности кумулятивного эффекта. Некоторые черты лицевого матери отвязались от ее лица, покинули координаты Сверх-Я, чтобы работать сами на себя, на других линиях возможного, на системы других порядков (*constellations d'univers*). Например, ее бдительный взгляд пал на пределы диапазонов. Он увидел в них своего рода алтарь, жертвоприношения на котором не станут слишком обременительны. Хотя возможно, эта форма описания, имеющая больше общего скорее с мифами и сказками Гурманше или Варлпири, обнадеживает куда меньше, нежели ограничение [случая в рамках] интрапсихических «оснащенных заранее» диспозитивов, типизированных структур и структурированных инстанций?

Ж.-К. П.: Ты думаешь о теориях истерии?

Ф. Г.: Да, конечно! Можно было бы вспомнить знаменитый «ком в горле» (*boule pharyngienne*), движения туда-сюда кляйнианских объектов, разрыв идентификации, следующий за меланхолической интроспекцией, и, почему бы и нет, дезинтрикацию влечения к смерти.

Ж.-К. П.: Как мне это видится, ты хочешь оставить открытой возможность не интерпретировать, но совершенно иначе сочленять плоскости, на первый взгляд настолько же отдаленные, как и конкретный фонологический голос, пение как абстрактная данность и, например, структура семьи. И это выливалось бы в допущение совершенно иных связей, нежели тех, что можно было представить до сих пор.

Категория детерриториализации должна была бы позволить нам отделить проблематику сознательного — и бессознательного вслед за ним — от проблематики репрезентации Я и единства личности. Идея всепоглощающего сознания, даже тоталитарного («Собой владею я, и мир покорен мне»⁹), покоится на фундаментальном мифе капиталистической субъективности. На самом же деле имеют место лишь различные процессы подвержения чего-либо сознанию, они же возникают после детерриториализации экзистенциальных территорий, множественных и запутанных самих по себе. И все из этого, что выступает средством для сотворения [бытия] «для-себя» и сингуляризации отношения к миру [бытия] «в-себе» и других, может обрести устойчивость экзистенциальной монады, только если им удастся обрести выражение во втором типе детерриториализации, — образовании дискурса энергетическими средствами. Мы приходим к следующей схеме (Рис. 1), которая немного забегает вперед к тому, что будет рассмотрено чуть позже.

Четыре функтора — П, Т, Ф, С, связанные отношениями пресуппозиции (отмечены на горизонтальных линиях) и их композиционными отношениями (отмечены на вертикальных линиях), разворачивают четыре области:

Рис. 1

⁹ Корнель П. Синна, или Милосердие Августа // Полиевкт; Сид; Гораций; Синна, или Милосердие Августа. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. — С. 155–157.

- материальных и сигнальных потоков;
- экзистенциальных территорий;
- абстрактно-машинных филумов;
- бестелесных систем (понимаемых как системы сознания в данном случае).

Только с опорой на эти области мы надеемся приступить к картографии устройства субъективности, желания и энергии влечений, а также различных проявлений дискурса и сознания, с ними связанных, при этом не возвращаясь к традиционным диспозитивам соматической инфраструктуры, инстинктивных установок, детерминизма, основанного на потребности и нехватке, поведенческой обусловленности и так далее. Поэтому у сущностей, пребывающих в этих областях, не будет постоянного тождества. Они будут сохранять свое собственное устройство, не иначе как через ранее установленные друг с другом связи; им предстоит менять свое состояние и положение в зависимости от деталей их сборки. Иными словами, они не станут неподвижной топикой. Причем только самой системе их превращения предстоит «управлять» их моделированием. Чтобы найти в себе силы поддерживать подобное скрещение порядков, которые классическое мышление всегда стремилось строго разграничить, эти функторы должны самостоятельно установить законы композиции между двумя парами категорий — актуального и виртуального, возможного и реального (см. рис. 2).

Предваряя последующие рассуждения, мы уже сейчас скажем, что межсущностные отношения пресуппозиции, установленные координатами объективной и субъективной детерриториализации, не будут уравнивать в правах Потоки и Территории реально-

	Актуальное	Виртуальное
Возможное	Ф : Филум актуально-возможного	С : Система виртуально-возможного
Реальное	П : Поток актуально-реального	Т : Территории виртуально-реального

Рис. 2

го с Филумами и Системами возможного — последние обволакивают и подытоживают собою первые таким образом, что реальное

возможного всегда преобладает над возможным реальным. Из этого вытекает, что Филумы будут, в некотором роде, представлять собою суммы Потоков, а Системы — суммы Территорий (Рис. 3).

Но не восстановили ли мы отношения трансцендентности между возможным и реальным? Не совсем, поскольку, как мы установим далее, распространение сборок, подобное «игре синопсисов», в ключе детерриториализации оставляет открытой возможность переста-

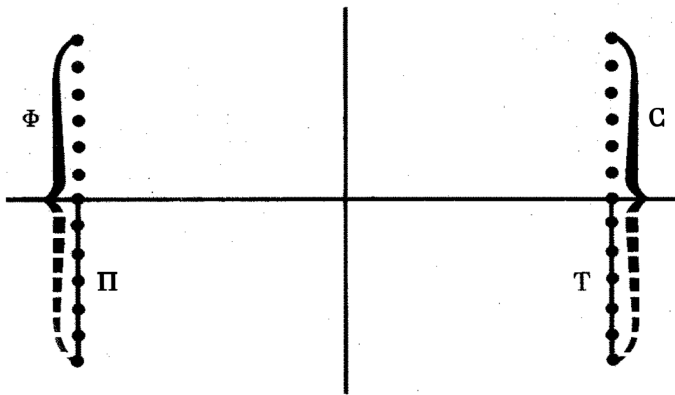

Рис. 3

новки позиций сущностей, конститутивных в отношении означающих реальностей и, возможно, означаемых реальностей.

Возвращаться к Фрейду всегда непросто, ведь есть куча психоаналитиков, которые на протяжении последних пятидесяти лет относились к его работам, как к священному писанию, но мне кажется важной сама попытка определить, в чем наш проект переоткрытия бессознательного средствами детерриториализации продолжает линию Фрейда, а в чем от нее отходит. Первой заботой для Фрейда было привести в психологию научность, внося [в ее феномены] абстрактную меру¹⁰. Чаяниями этой озабоченности в стройную систему «способностей души» классических теорий внесли разлад, что закончилось для психики детерриториализацией, а, в свою очередь, ее кульминацией стало выдвижение на первый план «сцены» бессознательного, которой не встретишь в обычных феноменологиче-

¹⁰ «Я поглощен двумя стремлениями: выяснить, какую форму принимает теория психического функционирования, когда мы вводим понятие количества, своего рода экономии нервных сил, и, во-вторых, извлечь из психопатологии какую-то пользу для нормальной психологии. См.: Письмо Флиссу от 25.05.1895 в Freud S. Naissance de la psychanalyse: Lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans (1887–1902). — Paris: Presses Universitaires de France, 1979. — ISBN: 978-2130359630. — P. 106.

ских координатах. Можно было бы подумать: такое вмешательство в психику будет нести подобный редуционистский характер и дальше, напротив, оно сопровождалось настоящим взрывом новаторских толкований дискурса истерии, сновидений, оговорок, остроумия и других феноменов. Вообще не просто ответить: как механистические предпосылки¹¹, напрямую восходящие к психофизике Фехнера и «физикализму» Гельмгольца и Брюкке, сосуществовали с такими «глубинными» исследованиями, чьей авантюристности просто нет равных, — разве что дадаизм и сюрреализм¹². Создается впечатление, что опора Фрейда на научные схемы своей эпохи давала ему ту уверенность, которая позволила предоставить полную свободу творческому воображению. Как бы то ни было, следует признать: открытие им процессов семиотической сингуляризации бессознательно — знаменитого «первичного процесса» — с трудом вписывалось в ассоцианистские рамки, которые он развивал параллельно, следуя своему «Наброску научной психологии» 1895 года¹³. Но все же он так и не разорвал связей со своими первоначальными нейронными моделями¹⁴. (Так, в окончательной редакции «Толкования сновидений» 1929 года он сохранил свои ранние рефлексологические постулаты¹⁵), потому Бессознательное и Предсознательное останутся «зажатыми» внутри сэндвича восприятия и моторики¹⁶.

Непрекращавшиеся метания Фрейда между неприкаянным сциентизмом и лирической изобретательностью в духе романтизма завершились рядом ретерриториализаций взамен на разнообразные успехи в детерриториализации психики. Я упомяну этот феномен только

¹¹ Один пример среди сотни других: «...физическое сексуальное напряжение, накаленное выше определенной степени, возбуждает психическое либидо, которое затем готовится к коитусу...». См.: Ibid, p. 83.

¹² Пример: «при анализе сновидения я требую поэтому, чтобы сообщающий его отрешился от всех градаций уверенности в точности передачи и малейшее предположение, что то-то и то-то имело место в сновидении, считал бы за неоспоримую истину». См.: Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. — С. 369.

¹³ Freud S. Naissance de la psychanalyse: Lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans (1887–1902). — Paris: Presses Universitaires de France, 1979. — ISBN: 978-2130359630. — pp. 309–396.

¹⁴ С чистосердечием, редким для аналитика, претендующего на принадлежность к фрейдистскому наследию, Лакан прямо признал это. См.: Lacan J. Ecrits. — Paris: Éditions du Seuil, 1966. — ISBN: 978-2020027526. — P. 857.

¹⁵ «Рефлекторный процесс служит образцом всякой психической деятельности». См.: Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. — С. 384.

¹⁶ Там же, с. 386–387.

в связи с одной парой понятий: либидо и бессознательное.

На либидо можно взглянуть с двух точек зрения: той, что понимает либидо как процессуальную энергию, побуждающую неоднородные системы отклоняться от равновесия, и той, что понимает либидо как статическую энергию, способствующую наслоению психических образований. Фрейд так и не удалось совместить их, несмотря на то, что он заявил о взаимосвязанном существовании либидо объекта и либидо Я (*moi*). В нашей перспективе мы видим это иначе: два этих состояния либидо нельзя подчинить случайностям экономического баланса, как предлагал Фрейд, напротив, их состояния глубоко определены микрополитическими выборами. Тогда либидо оказывается вырванным из природы, детерриториализованным — своего рода абстрактной материей возможного. Перед нами встает выбор, образующий (*générique*): 1) детерриториализованный вариант шизоанализа — либидо-филум (на левой оси рис. 1 и 3) как сумма потоков желаний, которые осуществляют разного рода преобразования (материальных и семиотических потоков); 2) ретерриториализованный вариант фрейдизма — либидо-поток, поначалу сокрытый в соматической части влечений (импульс и его источник, в отличие от цели и ее объекта), а потом принимающий участие в психогенетических стадиях затем, чтобы, в конце концов, оказаться запертым в плену вне времени лицом к лицу с энтропийной смертью (оппозиция Эрос-Танатос).

Фрейд поспешно оставил первую область теоретикам вроде Юнга, которые едва ли знали, как ее использовать¹⁷. С другой стороны, он не переставал ретерриториализовывать бессознательное различными способами:

— Пространственно. Как я только что сказал, он замкнул его внутри инстанции (Оно), во второй топике лишенной всяких черт суб-

¹⁷ Неспособный справиться с мощью коллективного бессознательного, Юнг стандартизирует его, «архетипизирует», дробит, делает его нейтральным и пассивным. Он не подвергает его детерриториализации, которая делает его активно-процессуальным: «В той мере, в какой индивидов разделяет различие содержаний их сознания, их общит то, что касается их бессознательной психологии. На каждого практикующего психоаналитика производит глубокое впечатление тот день, когда он приходит к осознанию, что типичные структуры бессознательного, в сущности, однородны». (Французский перевод (1927) сделан с ранней версии 1912 г. Русский перевод (1994) — с переработанного издания 1952 г. Цит. по переработанному изданию: «В той мере, в какой индивидов разделяет различие содержаний их сознания, их объединяет то, что касается их бессознательной психологии. На каждого практикующего психоаналитика производит глубокое впечатление тот день, когда он приходит к осознанию, что типичные структуры бессознательного, в сущности, однородны у всех людей и тем самым представляют собой безличную природную основу, свойственную каждому индивиду». Юнг К. Г. Либидо, Его метаморфозы и символы. — СПб.: Восточно-

станции, сведенной к недифференцированному хаосу¹⁸;

— Темпорально. Когда своим открытием неисследованного континента (детской сексуальности) он совершил невероятное — придал дискурсу бессознательного историческое измерение, при этом еще и лишив его осознания течения времени, — и когда ему удалось обыграть реалистические следствия воспоминаний о травмах раннего соблазнения с помощью детерриториализации и превращения оных в фантазматические ритуурнели; но все эти изобретения он потерял, если можно так выразиться, когда совершил ретерриториализацию стадий либидинального созревания и ввел жесткую периодизацию психогенеза;

— Похожий переворот с ног на голову коснулся и объекта желания. Во времена «Толкования сновидений» он предстает в двусмысленном и богатом виде. Подобно Альбертине Пруста — «богине со множеством голов» (и, вероятно, полов), у него все еще получается в какой-то мере ускользать от бинарных и фаллических капиталистических логик. Например, Ирма из «Толкования сновидений» описана как «коллективная персона», объединяющая в «родовом образе»: пациентку, о которой говорится в сновидении; другую даму, которую он предпочел бы лечить; его собственную старшую дочь; ребенка, которого он наблюдает в больнице; еще одну даму; наконец, лично госпожу Фрейд...²⁰ В другом месте мы читаем: «местности подлежат зачастую тем же правилам, что и люди»²¹. Объект может выполнять роль «узла» сверхдетерминации²², «пуповины» сновидения, «места, в котором оно соприкасается с неопознанным»²³, исходя из которого множатся линии сингуляризации. Детерриториализация добивается новых успехов, ког-

Европейский Институт Психоанализа, 1994. — С. 31. — *прим. редакции*). Тем не менее, в методе Юнга есть очень интересные вещи: его концепция открытия будущего на основе «сублиминальных комбинаций»; его практика «исторической амплификации»; его отказ от мифа об аналитической «нейтральности»; его техника толкования снов через контекст сновидения, а не через простые ассоциации.

¹⁸ «Его переполняет энергия, исходящая от влечений, но оно не проявляет никаких признаков организации, никакой воли; оно стремится лишь к удовлетворению потребностей влечений, подчиняясь принципу удовольствия». См.: Freud S. Nouvelles conférences sur la psychanalyse. — Paris: Gallimard, 1952. — P. 103. Ср. комментарии Лапланша и Понталиса в Vocabulaire de la psychanalyse / J. Laplanche, J.V. Pontalis (eds.). — Paris: PUF, 1968. — P. 57.

¹⁹ «В бессознательном ничего нельзя довести до конца, в нем ничто не проходит и ничто не забывается». См.: Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. — С. 411. «В Оно нет ничего, что соответствовало бы понятию времени, никаких указаний на течение времени...». См.: Freud S. Nouvelles conférences sur la psychanalyse. — Paris: Gallimard, 1952. — P. 104.

²⁰ Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. — С. 258–259.

да объект влечения выходит за рамки персоналистического подхода, становясь «частичным». С этого момента открывается дверь для иных, нечеловеческих становлений — животных, растительных, космических, абстрактно-машинных... Но эту дверь захлопнули всеми возможными и невозможными способами: потому что частичные объекты собрали в одном исчерпывающем типизированном списке, потому что из них составили «полосу препятствий», которую якобы должна преодолеть вообще любая субъективность, жаждущая достичь высших стадий «самоотверженной генитальности», потому что, переходя от «плохих объектов» к «хорошим», от «объектных отношений» к «переходным объектам», а затем к объектам «а», последователи Фрейда просто превратили частичные объекты в обобщающую их природу функцию, лишённую каких-либо черт сингулярности;

— То же самое ждало и Другого, которого Фрейд ввел в качестве условия истины даже в самые закрытые психопатологические случаи. И он также столкнется с ретерриторизацией: ему будет запрещено оставаться в якобы синкретичных доэдиповых отношениях. Он будет включен в относящийся к инициации комплекс кастрации под недобрым взглядом Сфинкса, а затем превращен Лаканом в матему «А».

Подводя итог, два «предмета по выбору», Либи́до и Бессознательное пред лицом друг друга, могут быть изображены следующим образом:

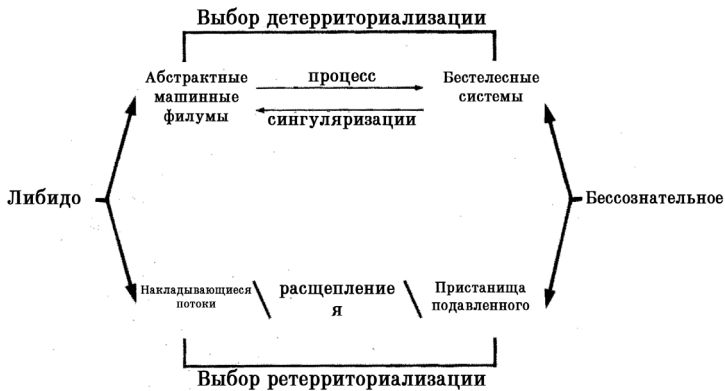

Рис. 4

²¹ Там же, с. 278.

²² Там же, с. 252.

²³ Там же, с. 375.

Библиография

1. Фрейд З. Толкование сновидений. — М.: Академический проект, 2020. — 475 с. — ISBN: 978-5-8291-2865-4.
2. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969-70)). — М.: Гнозис, Логос, 2008. — 272 с. — ISBN: 5-8163-0037-7.
3. Guattari F. Les énergies sémiotiques // Temps et Devenir à partir de l'œuvre d'Ilya Prigogine / J.-P. Brans, I. Stengers, Ph. Vincke (eds.). — Genève: Patino, 1988. — pp. 245–256. — ISBN: 978-2882130082.
4. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология бессознательного. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 205–226. — ISBN: 5-89808-040-6.
5. Abraham K. Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniaco-dépressive et des états voisins // Œuvres complètes. Vol. 1. — Paris: Payot, 1965. — pp. 99–113.
6. Фрейд З. Метапсихологическое дополнение к теории сновидений // Психология бессознательного. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006. — С. 205–226. — ISBN: 5-89808-040-6.
7. Корнель П. Синна, или Милосердие Августа // Полиевкт; Сид; Гораций; Синна, или Милосердие Августа. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. — 352 с.
8. Freud S. Naissance de la psychanalyse: Lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans (1887–1902). — Paris: Presses Universitaires de France, 1979. — 447 p. — ISBN: 978-2130359630.
9. Lacan J. Ecrits. — Paris: Éditions du Seuil, 1966. — 924 p. — ISBN: 978-2020027526.
10. Юнг К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. — 415 с.
11. Vocabulaire de la psychanalyse / J. Laplanche, J.B. Pontalis (eds.). — Paris: PUF, 1968. — 524 p.
12. Freud S. Nouvelles conférences sur la psychanalyse. — Paris: Gallimard, 1952. — 248 p.

Schizoanalysis

Félix Guattari (1930–1992) was a French philosopher and psychoanalyst.

Translated from French by Egor Kuryshov

Keywords: psychoanalysis, schizoanalysis, enunciation, meta-modelling, deterritorialization, subjectivity, the unconscious, micropolitics, libido

The seminar of June 21, 1984, is dedicated to the concept of schizoanalysis — an approach developed by Félix Guattari in collaboration with Gilles Deleuze as an alternative to traditional psychoanalysis. Guattari proposes a rethinking of psychoanalytic theory, rejecting the models of Freud and Lacan. He argues that schizoanalysis does not seek to become a new discipline but functions as a tool of meta-modelling, enabling the analysis of how assemblages of enunciation influence semiotic processes and modes of subjectivation. These assemblages, understood as dynamic configurations, include not only linguistic but also non-semiotic, non-subjective, and unconscious elements. Guattari emphasizes the importance of a micropolitics of meaning, where pragmatic effects arise within social and institutional fields rather than solely through the interpretation of signifiers. He introduces the concept of deterritorialization, which avoids the fixation of subjectivity within static structures and instead treats it as a process of singularization connected to machinic — both material and social — flows. In contrast to Freudian libido, conceived as a static energy, schizoanalysis interprets libido as an abstract, deterritorialized force that opens up new possibilities for becoming. Guattari also criticizes the reterritorialization of the unconscious in psychoanalysis, proposing instead that it be mapped as a dynamic system interacting with social, technological, and aesthetic processes. Schizoanalysis thus becomes, according to Guattari, an interdisciplinary approach oriented toward the analysis and transformation of subjectivity.

References

1. Freud S. Tolkovanie snovidenij [The Interpretation of Dreams]. — Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. — 475 p. — ISBN: 978-5-8291-2865-4. (In Russian).

2. Lacan J. Iznanka psikhkhoanaliza (Seminar, Kniga XVII (1969–70)) [The Other Side of Psychoanalysis (Seminar, Book XVII (1969–70))]. — Moscow: Gnozis, Logos, 2008. — 272 p. — ISBN: 978-5-8163-0037-7. (In Russian).
3. Guattari F. Les énergies sémiotiques // Temps et Devenir à partir de l'œuvre d'Ilya Prigogine / J.-P. Brans, I. Stengers, Ph. Vincke (eds.). — Genève: Patino, 1988. — pp. 245–256. — ISBN: 978-2882130082.
4. Freud S. Pechal' i melankholiia [Mourning and Melancholia] // Psikhologiya besoznatel'nogo. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 3 [Psychology of the Unconscious. Collected Works in 10 vols. Vol. 3]. — Moscow: Firma STD, 2006. — pp. 205–226. — ISBN: 978-5-89808-040-2. (In Russian).
5. Abraham K. Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniaco-dépressive et des états voisins // Œuvres complètes. Vol. 1. — Paris: Payot, 1965. — pp. 99–113.
6. Freud S. Metapsikhologicheskoe dopolnenie k teorii snovidenij [Metapsychological Supplement to the Theory of Dreams] // Psikhologiya besoznatel'nogo. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 3 [Psychology of the Unconscious. Collected Works in 10 vols. Vol. 3]. — Moscow: Firma STD, 2006. — pp. 205–226. — ISBN: 978-5-89808-040-2. (In Russian).
7. Kornel' P. Sinna, ili Miloserdie Avgusta [Cinna, or The Clemency of Augustus] // Polievkt; Sid; Goratsii; Sinna, ili Miloserdie Avgusta [Polyeuctus; The Cid; Horace; Cinna, or The Clemency of Augustus]. — Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1956. — 352 p.
8. Freud S. Naissance de la psychanalyse: Lettres à Wilhelm Fliess, notes et plans (1887–1902). — Paris: Presses Universitaires de France, 1979. — 447 p. — ISBN: 978-2130359630.
9. Lacan J. Ecrits. — Paris: Éditions du Seuil, 1966. — 924 p. — ISBN: 978-2020027526.
10. Jung K. Libido, ego metamorfozy i simvoly [Libido, Its Metamorphoses and Symbols]. — Saint-Petersburg: Vostochno-Evropeyskiy Institut Psikhhoanaliza, 1994. — 415 p. (In Russian).
11. Vocabulaire de la psychanalyse / J. Laplanche, J.B. Pontalis (eds.). — Paris: PUF, 1968. — 524 p.
12. Freud S. Nouvelles conférences sur la psychanalyse. — Paris: Gallimard, 1952. — 248 p.